

ПОСЛЕДНИЙ КРИК

СЛЕГКА ПОДКРАШЕННОЕ МОРАЛИТЕ

Перевод со шведского Е. Горелик

Поводом к “любовному” свиданию, которое сейчас состоится, стало мое открытие кинематографа Георга аф Клеркера. Я не был знаком с его творчеством, хотя и знал это имя. При более же обстоятельном изучении я обнаружил Загадку: за короткий отрезок времени — всего за три съемочных сезона — этот человек успевает снять двадцать пять фильмов! Но затем он надолго исчезает из мира движущихся теней и появляется в нем еще только раз, чтобы испытать полную неудачу. И это — конец. В этой Загадке таился мощный творческий стимул. Два года тому назад я написал пьесу. Она была крайне обстоятельной, изобиловала точными подробностями, достоверными фактами и характерами. Тоскливо и скучно. Прошлым летом все это было отправлено в корзину, и я написал “Последний крик”. Написал быстро, полностью пренебрегая всеми реальными фактами и объективной правдой. Получилась совершенно другая история, хочу надеяться, более занимательная и значительно более правдивая. Так мне во всяком случае представляется.

Я думаю, что Георг аф Клеркер удивительно своеобразен и неповторим. Можно только гадать, какими картинками он бы нас одарил, если бы не был прерван на полуслове сорока лет от роду и имей он возможность продолжать работать.

Великие мастера создавали также и превосходные мелодрамы, об этом, наверное, не следует забывать.

Действующие лица

Чарльз Магнуссон, могущественный директор киноконцерна.

Георг аф Клеркер, лейтенант в отставке; кинорежиссер.

Элисабет Хольм, секретарь могущественного.

Декабрь 1919 года. Сцена представляет собой кабинет директора недавно образованной крупной компании "Свенск Фильминдустри" ("Шведская киноиндустрия"). Сам директор, Ч а р л ь з М а г н у с с о н, сидит за темным полированным столом и изучает таблицу с цифрами, вложенную в коричневую папку. Ему сорок один год. Худощав, прекрасно одет, прозрачно бледен, неимоверно толстые стёкла очков выдают сильный астигматизм.

Секретарь, фрекен Х о л ь м, статная высокая дама в безупречном костюме, материализуется бесшумно.

Фрекен Хольм. Лейтенант аф Клеркер ждет.

Чарльз Магнуссон. Как он выглядит?

Фрекен Хольм. Ничего примечательного. С виду солидный. Хотя вроде бы и не совсем трезв. Может быть, господин директор хочет, чтобы я...

Чарльз Магнуссон. Нет-нет, не надо. Пригласите его войти. Сколько времени ему пришлось ждать? Почти час?

Фрекен Хольм. Мне следует прервать вашу беседу через какое-то время?

Чарльз Магнуссон. После Клеркера я пойду обедать и вернусь часам к двум. Не надо. Спасибо.

Фрекен Хольм. Могу я в четыре часа уйти к зубному врачу?

Чарльз Магнуссон. Конечно, фрекен Хольм. Идите. Кстати, возьмите этот отчет и сделайте с него копию. Она понадобится мне завтра утром, к конгрессу владельцев кинотеатров.

Фрекен Хольм. Будет исполнено, господин директор.

Фрекен Х о л ь м забирает папку и исчезает. В то же мгновение появляется лейтенант Г е о р г а ф К л е р к е р. Это весьма видный мужчина лет сорока. Волосы и усы аккуратно подстрижены и подкрашены. Он несколько полноват и потому тщательно затянут в корсет. Возможно, он и принял немного спиртного, но это вряд ли особенно заметно. Директор М а г н у с с о н встает и делает несколько шагов навстречу гостю. Почти дружеское объятие.

Георг аф Клеркер. Привет, Чарли! Наконец-то! Как приятно видеть тебя снова, старый негодник!

Чарльз Магнуссон. Присаживайся, Георг. Располагайся. Позволь тебе что-нибудь предложить. Немного виски? Сигару? Чашку кофе?

Георг аф Клеркер. Что? Что это? Чарли угощает крепкими напитками в половине одиннадцатого утра! Неужто не за горами конец света! Но я не откажусь. И сигара только дополнит удовольствие. “Рожденный наслаждаться должен наслаждаться”, — как справедливо заметил когда-то Пер Гюнт. Это бар? Ну, скажу я вам! Нет-нет, сиди спокойно, я налью себе сам. А ты будешь? Я так и думал. Господи боже мой, с какой щедростью тебя оделили,

старина Чарли! В самом деле, персидские ковры и даже, мне кажется, Боннар. Это ведь Боннар, а? Вот как, откуда тебе это знать? Но как бы там ни было, обстановка просто великолепна. Стоила, наверно, кучу денег, а? Да, несомненно. Все новое и такое большое. Большие кинотеатры, большие студии, большие конторы, большие художники. Большие деньги. И эта секретарша совсем недурна, а? От нее так и веет аристократизмом и роскошью. Ты ее уже того, а, Чарли? А? Ну, признайся старику Гоге! Ах ты плутишка! (Смеется, пьет.) Да, черт подери. Так странно видеть тебя здесь, в этом великолепии. Ведь невольно вспоминается, как мы начинали, там, на Лидингё. Так весело нам уже никогда не будет! Не так ли, Чарли? Кажется, будто это было вчера. (Смеется.) Вот дьявольщина. Ты помнишь “Смертельные скачки под куполом цирка”? Черт побери, не забыл же ты этого маленького уродца, этого первенца твоего вдохновения? Помнишь, как ты стоял с зажатым в кулаке сценарием, готовый разрыдаться? Немудрено: и Виктор, и Мойе, прочитав твою рукопись, заявили, что и не подумают возиться с таким дерьмом. Да, да, эти мальчишки уже тогда были крайне самонадеянны, и никто толком не понимал, с чего это они такие. И тогда я взял твой сценарий и прочел его, тут же, не присаживаясь, пока ты сморкался в свой тонкий льняной носовой платок. И я сказал, что история хороша: “Чарли, не грусти. Я поставлю ее”. Затем я спросил Виктора, не хочет ли он сыграть отца лейтенанта, но он отказался. Он взбесился, что я осмелелся взяться за режиссуру. Ведь этот лицемер полагал, что я — всего лишь директор студии, и не больше. И тогда я сыграл эту роль сам. (Смеется.) Да, черт возьми, Чарли, это выглядело нелепо. Но Калле Барклинд был хорош. И Сельма! Помнишь Сельму, такую красивую, соблазнительную, веселую, добрую. А ведь ей уже было за сорок! Ее хватало на нас на всех, не правда ли, Чарли? Она была нашей общей киской — я, конечно, хотел сказать: (Смеется.) нашей музой! Да, разрази меня гром. (Пауза.) Вышел расчудесный фильмик. У него был большой успех, особенно в Дании. Но это ты, разумеется, не забыл? Хотя страсть Сельмы к дурацким шляпкам была катастрофической уже и в те времена — ты помнишь ту, с тульей, будто могильный холм, увенчанную четырьмя усиками и окруженную кольшущимися от любого сквозняка перьями? Я просил, умолял, но переубедить ее было совершенно

невозможно! “Ее подарил мне Виктор, — отвечала Сельма. — И она мне к лицу”. Да. Вот как бывает. Виктор ведь стал потом знаменитым, невероятно знаменитым с этим своим “Терье Вигеном”. Кто бы мог поверить, что такое выпадет этому лощеному чурбану? Нет, ни черта подобного, я вовсе не злюсь, нет-нет, я совсем не истекаю желчью, ни в малейшей степени. Я спокойно оставляю за ним его непревзойденные успехи. Хотя, если честно, я никогда не видел ничего более жалкого, чем его “Берг-Ейвинд”. Несмотря на то, что Эдит там — лакомый кусочек, с этим ты должен согласиться. Мы бы и сами от нее не отказались. Не беспокойся, пожалуйста, Виктор не вызывает у меня ни гнева, ни озлобления. Отнюдь. Хотя я и знаю, что это он плел интриги, добиваясь, чтобы меня убрали с Лидингё, ведь это он носился повсюду, распространяя гадости обо мне, это он тайком от меня крутил амуры с Сельмой. (Пауза.) Да, Господи Иисусе, Чарли! Как время-то пронеслось вместе с нами и нашими фильмами! Ты — на вершине, ты — триумфатор, Чарли, величайший и могущественнейший. Особенно сейчас, когда Ивар Креугер вложил в твоё завлекательное предприятие своих — сколько там? — по меньшей мере пять миллионов. А я сижу здесь в твоём благоухающем кожаном кресле и пью твоё прекрасное виски, и курю твою дорогую сигару, и имею честь лицезреть тебя, Чарли. Но я совсем не уверен, видишь ли ты меня через невообразимо толстые стекла своих очков, да и косишь ты сильнее, чем прежде... Но это, наверное, случается с любым, кто добивается успеха в этой отрасли потрошения, резни и крови.

А я явился к тебе, дорогой мой мальчик Чарли, ничтожным просителем. Уже больше года, как я ничего не снимаю. Последним моим фильмом была “Дочь смотрителя маяка”, который я сделал летом семнадцатого года, сейчас кажется — это было очень давно. Порой я недоумевал, почему ты ни разу не вспомнил обо мне. Ведь я все-таки снял двадцать пять фильмов за три года, и большинство из них имело кассовый успех. У меня, вероятно, не всегда бывала лучшая пресса. (Смех.) Но, Господи, это ведь неизбежно. Хуже всего было в тот раз, когда газеты набросились с руганью на наряд Сельмы в “Любовь побеждает”. Она действительно выглядела чудовищно, с этим я согласен. Но у меня не было выхода. Ведь, понимаешь ли, Чарли, как это произошло. Я не могу, конечно, ничего

доказать наверняка, но я убежден, что все было именно так. Я был тогда по уши занят работой над этой проклятой комедией про тещу, и Сельма одна поехала в Стокгольм, чтобы подобрать в магазине Лейа костюмы для фильма. Там она встречает Мойе Стиллера. Он как раз заглянул к Лейю вместе со своим юным любовником в поисках красивого женского белья. Они тогда делали этот отвратительный — как он назывался, ну, этот фильм о гомиках? “Крылья” — вот как. Они встретили, стало быть, Сельму, ну и понятно, — поцелуи, объятия, и “какая встреча!”, ты ведь знаешь, каким обворожительным он может быть, эта лошадиная морда! А затем Сельма сказала им, что она здесь подбирает костюмы для “Любовь побеждает”. И тогда Стиллер и его юный педераст пришли в неопишное возбуждение и закричали, что они будут ей помогать. И тут же все, что она до сих пор отобрала, было забраковано, и Мойе и его маленькая козявка позабавились по-королевски, выскивая для пухленькой, доверчивой и за все благодарной бедняжки Сельмы самое нелепое, самое смешное и дурацкое из всего, что было в магазине. Этих несуразных туалетов набралось на четыре тысячи восемьсот крон, почти на пятую часть нашего бюджета. Представляешь, что со мной было, когда Сельма показала свои наряды. Я просил, я плакал, я умолял, но нет — Сельма была тверда и непреклонна: “Стиллер, между прочим, большой художник и настоящий эстет, он знает женщин, и он не пожалел своего времени, чтобы подобрать все самое стильное для маленькой глупой Сельмы. А тебе следует заткнуться и быть благодарным”. Это, собственно, и проложило трещину между Сельмой и мной. Конечно, мы и раньше кутили и забавлялись каждый на стороне, но нас, меня и Сельму, связывала дьявольски нежная дружба. Нет, черт побери, я это без всякой горечи! (Смех.) Просто стало немного одиноко. Потому что Сельма ушла. (Пьет.)

Да, черт возьми. Но нет, все было в порядке, все приходит в порядок, если только человек прилагает к этому усилия, ты ведь знаешь это, мой Цезарь! Лучше, чем кто бы то ни было. (Смех, тишина, отпивает большой глоток, доликает.) А потом этот неловкий случай на съемках “Дороги вниз”, — я ведь сам написал сценарий и сам ставил. На дворе стояла поздняя осень, и было адски холодно — снег в октябре в Гёте, что ты на это скажешь?

Снег на крыше студии! Если помнишь, фильм-то был о морфии. Так что я, конечно, слегка приложился, благо у меня был понятливый дядя-доктор, который... Но у меня действительно болел коренной зуб. И потом бессонница...

Вообще, лето тысяча девятьсот шестнадцатого года было крайне напряженным: нужно было закончить монтаж нескольких фильмов, и личная жизнь была такой, какой она была... Одним словом, мы все находились в студии, и Габриель, и Сибиλλα — Смолова — этот милейший человек. Знаешь, Чарли, вот это женщина! Но от нее целыми днями не отходил ее жених, так что между ними и папиросной бумаги было не протиснуть. Такая красивая, милая и веселая. И тут Габриель что-то говорит прямо во время съемки. “Мешок”, — говорит он и таращится на меня своими рыбьими глазами, “мешок, мешо-ок, мешо-ок”. Это было невообразимо смешно. Ведь Габриель — талантливейший комик. Все, естественно, начали смеяться. И я никак не могу остановиться, и все продолжаю и продолжаю хохотать. Выползаю из студии, ковыляю по снежной слякоти — и смеюсь так, что даже в штаны намочил. Потом, совершенно не понимая, что это за дьявольщина со мной происходит, я начинаю рыдать, голова идет кругом, и начинается рвота, и я укладываюсь прямо в снег, — чтобы хоть немного остудить себя, потому что я весь горю, все во мне клокочет, понимаешь, Чарли? А затем ко мне подходит Сибилла и обнимает меня, и остальные помогают ей перенести меня в студию. В этот день больше не было съемок. Потом меня какое-то время заменяет Манне Гётсон, но через несколько дней я опять бодр, и все в основном идет как обычно, но после окончания съемок и монтажа “Дороги вниз” я уезжаю на несколько месяцев в дом отдыха. Там я все время работаю над сценариями для следующего лета, прежде всего над “Ночными звуками”, которые так помогли мне в моем отшельничестве, — я ведь не хотел, чтобы люди меня навещали — многие думали, кстати, что я окончательно спятил. Но, поверь, работа над “Ночными звуками” была для меня утешением и спасением. Ты смотрел его, Чарли? Ах нет? Этот фильм — мое любимое детище, или как это называется? Один человек больше всего на свете любит поэзию, но сам не способен писать стихи. Он похищает великолепный стих у одного настоящего поэта и выдает его за

собственное творение. И тогда его настигает возмездие: оступившись, он проваливается в люк на сцене и разбивается насмерть. *(Без перехода, в отчаянии.)* Я сам снимаю свои фильмы, Чарли, я устанавливаю камеру и свет, я даю указания актерам, как ходить и что делать, и где надо плакать, а где приходиться в бешенство, и мы работаем и работаем, словно черти в аду, и мы не сдаемся. И вот наступает этот вечер, когда по ту сторону сидят зрители, и если нам сопутствует удача, то они плачут именно в том месте, которое мы наметили, и смеются именно в тот момент, когда мы этого хотели... да. Ты же сам знаешь это. В этом вся загадка, Чарли. Все остальное — полная ерунда. Сейчас так много нытья об искусстве и литературе, рассуждений о повышении планки и прочей тому подобной галиматии. Мы ведь читали категоричные высказывания наших господ в газетах. И, пожалуйста, господин нытик Шёстрём, или, черт бы тебя побрал, господин верховный гомик Стиллер, и, пожалуйста, вы, господин император Чарли! Поднимайте планку, вздымайте паруса Искусства, преклоняйтесь перед Художественностью, я снимаю шляпу, я падаю ниц, я повергаю себя в прах, но мы-то знаем, и вы, и я, что в нашем деле важен лишь малюсенький винтик, и это — те самые смех и слезы, и то, что называют словом “захватывающий”. *(Пьет.)* Ты можешь на это что-нибудь возразить, ты, король успеха? Да, я разболтался. А ты, Чарли, ты таращишься на меня своими косыми, как у трески, глазами — интересно, скольких ты напугал до смерти таким взглядом, или, вернее, таким невзглядом. Меня ты во всяком случае не напугаешь. Ты ведь понимаешь, что это шутка, мой мальчик Чарли? Надеюсь, ты позволишь своему старому шуру подержать немножко твоему величеству. Да, да. *(Молчание.)* Ты-то все молчишь, а я себе болтаю и болтаю. Очень мило с твоей стороны, что ты меня слушаешь. *(Пьет.)* Но нам следовало бы, наверно, поговорить немного о деле. А не просто сидеть и молоть чепуху. Как, кстати, поживает твой большой “Паккард”, Чарли? Я слышал, что ты задавил какого-то беднягу прошлым летом. Это ведь совсем не просто — водить автомобиль при таком серьезном дефекте зрения? На море значительно спокойнее, Чарли. На твоей классной парусной яхте. Вот тогда ты могуществен, не правда ли? Тогда ты — властелин стихии, тогда ты — настоящий Просперо из Гётеборга. Посмотрим, может быть,

в один прекрасный день ты отложишь в сторону свою волшебную палочку. Или, может быть, какой-нибудь Калибан вырвет ее из твоих рук? Что? Ах, Просперо? Да, он могуществен и благороден, чертовски благороден, он — Маг и главный герой в “Буре” Вильяма Шекспира, если тебе это имя что-либо говорит. Ну ладно, без шуток! Уж раз ты в конце концов все-таки пригласил меня. Не буду отрицать, твое письмо растрогало меня, Чарли, особенно вот это: “Давай непредвзято поговорим о будущем” — эта фраза, словно луч солнца согрела мое сердце, и мы с женой даже устроили праздник, прихватив к ужину бутылку шампанского. Она, кстати, передает тебе привет. Когда-нибудь ты непременно должен прийти к нам на ужин со своей прелестной Эммой Вильгемин. Она все также хороша? И везет же тебе! Особенно, если принять во внимание твой вид. Но “success has balls”, как говорится, over there. Нет, я шучу, Чарли. Ты прекрасный и добрый человек. Ты — хороший человек, и ты на все сто процентов достоин своего колоссального успеха. Старая любовь не ржавеет, и я люблю тебя, черт возьми, как младшего брата. Ты не сердись, а? Ведь ты навсегда останешься моим кумиром! (Смех.) По-моему, мне пора немного долить. Ты не против? Хочешь верь, хочешь нет, но я действительно слегка тебя побаиваюсь. Ты ведь так высоко вознесся, Чарльз Магнуссон! Кто бы мог поверить в это тогда, когда мы корпели и вкалывали до изнеможения в студии на Лидингё? Ты помнишь ту ночь, это было, должно быть, в девятьсот двенадцатом, и тот жуткий фильм Мальмберга — как он там назывался? Ну да, конечно, “Общественный приговор” — и Веландер был пьян, а мы с тобой и с Мальмбергом обклеивали обоями павильон, готовя его для съемок следующего дня — предстояло снимать какой-то праздник обручения с кучей статистов. Да, черт побери, Чарли, вот это было время! И тут пришла хозяйка пансионата фру Руус, с кофе и бутербродами, и со своей миленькой дочкой, и с шампанским, и мы веселились до шести, и все же декорации были готовы! Да, теперь все иначе. (Пауза.) Я не буду занимать твое драгоценное время, дружище, но я пришел с одним очень серьезным предложением, которое ты должен обдумать. Оно может (нет) оказаться привлекательным как для “Свенск Фильминдустри”, так и для самого господина Цезаря! Сейчас ты услышишь. (Открывает свой элегантный

портфель и достает папку с отпечатанными на машинке листами бумаги и толстую книгу в переплете цвета бычьей крови.) Итак, сейчас я представлю тебе, Чарли, тщательно продуманный проект, который — я верю, нет, я убежден — может стать кинематографической сенсацией. Ты же знаешь, как было дело. Я порвал со студией на Лидингё — ты-то хотел, чтобы я оставался ее директором, но у меня не ладилось с Виктором, этим скупым, злобным, властолюбивым лицемером. Поэтому я уехал в Париж и стал работать у Луиса Феуилладе. Ты знаешь его — это тот, что с Фантомасом и тому подобными штуками. Однажды он протянул мне вот эту книгу и сказал: “Здесь есть кое-что для вас, мсье Жорж” — так он сказал, и отдал мне её. (Листает.) Это одно из первых изданий романа под названием: “Юстина”, который написан неким господином по имени Донатьен Альфонс де Сад. Он жил во времена французской революции и чертовски хорошо писал. Ты слышал о нем, Чарли? Ах нет, ну, естественно, нет. Этот роман — о двух сестрах благородного происхождения и очень красивых. Джульетта дьявольски порочна и позволяет себе все мыслимые и немыслимые извращения, а Юстина, ее младшая сестра, — чудо добродетели и порядочности. Но все так странно складывается, Чарли, что распутная сестрица становится несметно богата и живет в роскоши и комфорте, в то время, как младшую, воплощенную доброту и нравственность, преследуют самые чудовищные несчастья, пока она в конце концов не умирает, причем самым печальным и трогательным образом. (Показывает книгу.) Ага, вот здесь как раз иллюстрация того, как развлекается Джульетта в рождественскую ночь. Довольно изощренно, а, Чарли? Переверни книжку вверх ногами, тебе будет лучше видно. Вот где мы отстаем, да? Сразу четверо джентльменов, да? Вообще-то — даже пять, но он, а может быть, это и она — не виден из-за... Я совсем не хочу сказать, что мы будем делать нечто непристойное, Чарли. Мне это абсолютно чуждо, да это и невозможно при нашей бдительной цензуре. Нет, я представляю себе это так: мы построим что-то вроде театра, и вот занавес поднимается, и там стоит Маркиз де Сад со своей книгой в руках и рассказывает грустную и ужасную историю двух сестер. Одновременно эти сцены разыгрываются в нашем маленьком театрике. Все места действия изображены на

красочных задниках, которые можно менять молниеносно. Я уже, кстати, поговорил с Грабовым, и он пообещал сделать их для нас недорого — понадобится задников тридцать, и Грабов сказал, что его самого забавляет этот эксперимент. Далее, мы набираем лучшую в мире команду, Чарли! Представляешь, Мэри Юнссон в роли невинной сестры! Никто не сыграет лучше — она ведь будущая мировая звезда, Чарли! То, что ее заметят и купят американцы, лишь вопрос времени. Она так одухотворенно красива, и у нее такой влажный взгляд, и она такая маленькая, хрупкая и одновременно такая женственная. Ты ведь видел ее в “Дочери зрителя маяка”? Ах нет? Я должен показать тебе его. А злую сестру может сыграть Мая Кассел. Ты видел ее плечи и руки, Чарли? А блеск ее кожи? А улыбку? В ней, я тебе скажу, чувствуется скрытая порочность. Тайный разврат и грубейшее бестыдство за невинной внешностью! Я руку дам на отсечение за Маю Кассел, хотя сам я не касался ее ни рукой, ни чем-то другим. (Смех.) Нет, сама она из добропорядочных. Живет тихо и кротко со своим скучным парнем. Но ведь именно такого сорта девочки интереснее всего: огонь подо льдом! Ты ведь понимаешь, что я имею в виду. (Взволнованней.) А кто будет великолепнее в роли Маркиза, чем Калле Барклинд? Тебе известно, что женщины сходят с ума по Калле? Они съедают за завтраком его фотографии вместе с бутербродом. Он прямо светится от скорбного мужества. Он ходит так, будто у него между ног висит что-то очень тяжелое. И так оно, кстати, и есть — мы мылись как-то вместе в бане, и я могу это засвидетельствовать! (Смех.) Женщины такое чувствуют, черт знает, каким образом. Так что имя Калле — отличная приманка к билетной кассе. Сейчас я подхожу к самому важному, Чарли. Я очень хорошо понимаю, что тебе вовсе не нужно, чтобы я толкался без дела в твоих новых прекрасных студиях в Росунде. Кстати, там в самом деле была страусиная ферма до того, как ты купил весь район? Это правда? Не знаю, почему это так комично, но есть что-то непостижимо возвышенное в этом сочетании — страусиная ферма и киностудия. Да, я понимаю и уважаю твое нежелание видеть меня там. Ведь это привело бы к постоянной перебранке с Виктором и Мойе. Они, конечно, не захотят уступать свой надел — я и это понимаю. Но послушай меня, Чарли: ведь еще существует

Хассельбладская студия в Оттерхэллан, в Гётеборге. Я побывал там и все проверил. Естественнно, будучи уже более года заброшенной и необитаемой, она выглядит сегодня довольно жалкой. Но привести ее в порядок — сущий пустяк, Чарли! Мы бы провернули это в один момент. Я могу сам собрать весь необходимый мне технический персонал, это толковый народ, мы все-таки сделали двадцать семь фильмов за три лета. Мы умеем работать, и Флорин — ты его знаешь, оператор, — свободен, он пробавляется сейчас рекламными фильмами у Туллберга. Он заплакал от радости, когда я спросил, не хочет ли он опять поработать со мной вместе над чем-нибудь значительным! И с лабораторией нет особых проблем. Дидриксен с Хассельблада говорит, что старые машины не демонтированы, а стоят, где стояли, и так же хороши, как и прежде. И братья Лунд, хотя и действительно на пенсии, но уверяют, что в любой момент с удовольствием вернутся обратно. И Хассельблад ничего не имеет против того, чтобы сдать свои помещения "Свенск Фильминдустри". В противном случае они ведь будут готовить и просто сгниют.

Черт возьми, Чарли! Это фантастический проект. Я не гонюсь за славой, она — твоя, только помоги мне. *(Протягивает бумагу с аккуратными столбиками цифр и графиками.)* Вот расчет, во сколько тебе обойдется все это удовольствие. Всего-навсего двадцать четыре тысячи крон! И вся прибыль — твоя. Хассельблад, разумеется, оставит за собой право на некоторое возмещение за администрирование и содержание здания. Этого расхода нет в смете, но тут не может быть и речи о сколько-нибудь значительной сумме. *(Горячо, взволнованно.)* Да, теперь ты знаешь, старик, теперь ты знаешь, мой мальчик Чарли, почему Гога смотрит на тебя таким встревоженным взглядом, словно старая собака, которую собираются пристрелить. Теперь ты знаешь, почему из моей глотки льется этот неостановимый поток слов, будто она — сточная канава. Я — никакой не гений, Чарли. Совсем не гений. Я не такой, как эти мнимые гиганты Виктор и Мойе, которые сбили тебя с толку своими слащавыми манерами и всей этой пустой болтовней про искусство здесь и искусство там. Я не гений, я — ремесленник, Чарли, чертовски толковый и опытный ремесленник, и я делаю хорошие потребительские товары, предметы первой необходимости. Те, что

нужны обыкновенным людям в их обыденной жизни, чтобы они чувствовали себя немного лучше, чтобы иногда забывали про грязь, которая их окружает. Чтобы могли немного поплакать, или немного посмеяться, или, может быть, немного подрожать от страха. Я сделал двадцать семь фильмов, Чарли. Я — профессионал и могу работать еще лучше, лишь бы иметь возможность заниматься делом. Мне только сорок лет, сорок два, чтобы быть точным. Я напичкан множеством планов, проектов, идей. Мне не нужен даже годовой оклад, плати мне лишь что-нибудь за сделанный фильм так, чтобы я мог существовать. Твое маленькое предприятие там, в Оттерхэллан, не доставит тебе никаких хлопот, напротив, мы будем выпускать для тебя фильмы, отличные, прекрасно сделанные фильмы. У тебя теперь слишком много кинотеатров, и они чересчур вместительные — так что без нас тебе просто не справиться! Силы вернулись ко мне, Чарли! Слабость и усталость прошли, и я готов взяться за большие дела. Ты и твои мальчики все время повторяете: “Давайте искать дорогу к литературе. Там есть то, чего жаждут и в чем нуждаются современники”. Я отвечаю: “Конечно! Но не обязательно же, черт возьми, постоянно держаться за юбку тетушки Лагерлёф! Ведь есть же и другие. Ты читал Хейденстама, Чарли? Ты читал Ханса Алиенуса? Ах нет, у тебя были другие заботы, это я хорошо понимаю, особенно, когда вижу твой шикарный кабинет, и твою обольстительную секретаршу, и новый автомобиль Виктора, и нового любовника Мойе. Ну так вот: Ханс Алиенус — действительно великий. Но с нами он бы стал знаменитым на всю Европу, на весь мир! Ханс Алиенус, Чарли. Человеческое в человеке! Искатель. Авантюрист. Современный Фауст. (Декламирует.)

Я постигал века в одном мгновенье,
Я ликование знал — не описать словами,
Я радостен и возбужден до ослепленья,
Я на лугу играл с веселыми юнцами.
Я слезы лил и засыпал в блаженстве.
Прислушайся: ведь это грохот танца,
Послушай: то поют нам дочери Аида!
(Сморкается.)

Вот, вот. Когда я вспоминаю прощальные слова Ханса Алиенуса на смертном одре, я не могу удержаться от слез, сам не знаю, почему. Мне кажется, это от ощущения чего-то необыкновенно близкого и родного. Представляешь, какая могучая кинематография могла бы получиться: Алиенус в Элладе, на Венецианском карнавале, в царстве мертвых. Со своим другом Габриелем Альвом — ну, что ты скажешь? Вот тебе книга, прочитай ее, Чарли, и позволь себе увлечься. Ведь ты же, как бы то ни было, человек большого ума и широкого кругозора. Ты — не какая-то там посредственность, ты — феномен! Только не думай, что я льщу! Позволь же мне разок посоперничать с твоими орлами, с твоими гениями — только один-единственный раз. Если я потерплю неудачу, я готов пойти к тебе в кабалу, ты сможешь взвалить на меня самую изнурительную работу. Тогда я безропотно вернусь назад, к этим пустяковым фарсам с тещами, сумасшедшими фокстерьерами и нижним бельем. Таков договор. Что ты на это скажешь? (Пьет.) Давай отметим его шикарным ужином, Чарли! Обмоем его, как в старые добрые времена. Возьмем с собой самых хорошеньких девочек. Вот будет весело, Чарли! Тебе необходимо хоть немного побыть в обществе нормальных людей, а не твоих титанов духа, банковских директоров и этой ужасной ледяной ящерицы Ивара Креугера. Как ты вообще мог связаться с таким, монстром, Чарли? Ты и рта не успеешь раскрыть, как он тебя проглотит: “Ам!” — и от тебя ничего не останется. Извини, я все болтаю. Стакан снова пуст, а из бутылки выпито больше, чем позволяют приличия. И я стою на твоём настоящем персидском ковре, и вижу, что у тебя на стене висит маленький Елиас Мартин, нет, черт, это, пожалуй, Юхан Фредрик Мартин, их бывает непросто различить, — я стою перед тобой и предлагаю тебе все, что у меня есть: талант, умение, ум, страсть. Возможно, слово “страсть” звучит слишком высокопарно, давай заменим его на “увлеченность”. Я стану твоим преданным слугой, твоим храбрым самураем, твоей верной собакой. Бери меня, используй меня, испытывай меня — это будет стоить тебе гроши, а вернется сторицею. Прошу тебя, Чарли. Сейчас я опущусь перед тобой на колени. (Опускается на колени.)

Я допускаю, что со стороны это выглядит несколько аффектированно, но зато полностью соответствует моему отчаянью

и моей надежде. Брат Чарли, будь сейчас таким мудрым и щедрым, каким тебя рисует молва. Стань сейчас таким добросердечным, какой ты на самом деле. Протяни мне руку и верни меня обратно к жизни. Ты — единственный, кто может мне помочь, других больше нет: они — мертвы, проглочены. Ты уничтожил всех вокруг себя, ты — Победитель, ты — тот, кто может даровать мне жизнь. Да, конечно, я уже это говорил, но это можно повторять много раз. Я стою на коленях перед тобой, Чарльз Магнуссон, и я вижу твой малюсенький котелок, торчащий над громадным черным письменным столом, и на меня смотрят непроницаемые стекла твоих очков. Твоего взгляда я не вижу... Ты ведь чертовски косишь, и, может быть, сейчас ты смотришь вовсе не на меня, а на часы. Да, я знаю, я занял у тебя слишком много времени. Довольно. *(Встает.)*

Теперь ты знаешь, Чарли, ты знаешь теперь мое к тебе отношение. Теперь тебе известно, что жизнь, которой я живу после “Дочери смотрителя маяка” — это уже не жизнь. В моем унижении я дошел до крайности и вполне доволен своим положением. Ты знаешь, что у меня есть три брата, и все трое — большие шишки в шведском обществе. Профессора, Советники, Генералы. Когда я попадаюсь им на улице, они переходят на другую сторону. *(Садится, пьет из горлышка.)*

Пусто, все выпито, мой дорогой Мувиц, по ком-то уже звенит колокол. Кстати, ты помнишь Эмму? Ах нет? Ты же из тех прагматиков, которые предпочитают забывать все неприятное. Эмма, Чарли? Эмма Андерссон? Там, на Лидингё. Та, что постоянно всем помогала, и везде попевала, и была доброй, неловкой и веселой? Она была премиленькая: нос картошкой, но маленькая изящная грудь и зад, который... Ты не помнишь Эмму? Ну, ладно, брат Чарли. Поскольку я был директором студии, то у меня было... нет, не то, что ты думаешь, — она была не в моем вкусе, было много других, которые... в общем, я хотел сказать, что если в те времена кто-нибудь боялся темноты, то спать одному ему не приходилось. *(Ухмылка.)* Да, Эмма тогда часто говорила про свою подводную лодку. И всякий раз смеялась, когда упоминала про эту подводную лодку, и никто не понимал, что она имела в виду. Потом она пришла к нам в Хассельбладскую студию в Гётеборге и была уже не такой свежей, но по-прежнему веселой. И сообразительной, и

услужливой. У нее был роман с Ёнте — Ёнте Экманом, помнишь, тот, что писал акварели, — и он рисовал ее, и в одежде, и без. В общем, как-то раз я её спросил, что случилось с ее “подводной лодкой”. Существует ли она, и собирается ли Эмма использовать ее здесь, на западном море. Тогда она засмеялась и сказала, что как раз в субботу она прокатится на ней, причем совершенно одна. И Эмма сделала это. Она взяла на прокат лодку на островке Сэрё. Стоял прекрасный холодный осенний день, и море было совершенно спокойным, только с легкой рябью. Эмма отгребла от берега и стала смотреть на солнце. Она долго так смотрела на солнце, и солнце слепило ей глаза. А потом она привязала свою правую руку к носу лодки, кинула весла за борт и выдернула пробку в днище. Так и погрузились она и солнце в темнеющую воду. Это и была Эммина “подводная лодка”. *(Пьет.)*

Что касается моего предложения о Юстине и Джульетте. Не обязательно давать ответ сразу. Конечно, ты должен это обдумать, Чарли. Двадцать четыре тысячи крон — это двадцать четыре тысячи крон, а у тебя ведь в правлении четыре банкира и твой дружок Ивар Креугер, черт бы его побрал. Так что право на самостоятельные решения уже не то, что было раньше? Сейчас я в последний раз осмотрю твой бар, не найдется ли там чего-нибудь для мучимого жаждой бедолаги. *(Основательно роется в баре. Звон стекла. Неожиданно находит бутылку коньяку.)*

Ты помнишь Пороховой дом на Лидингё? Четыре отделения. Одно — для рабочих, одно — для артистов, одно — для администрации и, наконец, одно — для Виктора и его геморроя. Какой коньяк! Я не думал, что ты... Ты извинишь? За Пороховой дом на Лидингё! И в этой связи — за нежную розовую попку Сельмы, за эти “высокие плато наслаждения”, если можно так выразиться! *(Пьет из бутылки.)* Нет. Теперь-то я уйду. Ты оставь себе книгу о сестрах. Я подозреваю, что твой французский — как бы это сказать? — несколько хромает, но ты ведь всегда можешь посмотреть картинки вместе с Эммой Вильгельминой. А вот здесь, помимо всего прочего, аккуратно отпечатанный набросок сценария в тридцати восьми сценах, так что дай как-нибудь знать о себе — я буду дежурить у телефона. Мой номер вот здесь, в самом низу на последней странице сценария. Я надеюсь,

что телефон пока не отключат. Последние недели дела мои обстоят неважнецки. Так что прощай, мой брат, да пребудет с тобою Господь. Запомни! Я тревожусь за твое будущее. Если бы ты не был так восхитительно невежествен, я отослал бы тебя к греческой трагедии, где боги разгневались на людей за то, что те возомнили себя богами. Это называется "кичливость", если тебе знакомо такое слово. (*Целует директора Магнуссона в лоб.*)

Итак, прощай! Мы больше никогда не увидимся — я ведь это знаю. Ты спустил меня вместе с водой в кинематографическом сортире. Для тебя я — только несчастное, оборванное привидение из прошлого. Разве не так, мой бывший брат? (*Снимает с Чарльза Магнуссона очки.*) Хм, так вот как ты сегодня выглядишь, мой бедный предатель! Ты понимаешь, что я тебя жалею, у тебя же ничего не осталось. Ты продал свою чистую душу Власти и ее архангелам — директорам банков и этому ужасному Яхве, который именуется Иваром Креугером. Поверь, поверь мне, бедняжка Чарли, через пять лет ты будешь выброшен на улицу. Посмотри на меня, хорошенько посмотри на меня. Ты, конечно, думаешь, что я сумасшедший. Ведь именно эта мысль и гудит сейчас в твоей маленькой, аккуратно подстриженной головке: "Он сошел с ума, этот Клеркер, мне лучше не двигаться". (*С подчеркнутой заботливостью возвращает Чарльзу Магнуссону его очки.*) Ты держишь дистанцию, ты сохраняешь дистанцию, ты блюдешь дистанцию. Даже когда трахаешься. Это засвидетельствовала наша общая подруга Адела. Ты ведь помнишь Аделу? Она рассказала, что ты придумал особый способ трахаться, не прикасаясь друг к другу ничем, кроме половых органов. А когда дело сделано, ты бежишь в ванную и моешься, моешься, моешься, потому что боишься микробов. Послушай, бедняга, ты, со своими цветочками, которые ты выращиваешь, но названия которых ты не знаешь, со своей жалкой игрой на пианино и со всеми своими полками нечитанных книг. И с этим своим парусником, который всегда садится на мель. Какую же, собственно, роль ты собирался сыграть, серая выскочка? Можешь мне ответить? Я прочитал в какой-то газете, что ты утверждал, будто твой отец был архитектором. Что за чушь, Чарли! Твой отец был дерьмовым чертежником самого низкого класса, и звали его на самом деле Соломон Магнуссон, и был он наполовину еврей, и вы жили в двух маленьких комнатах в Майорне!

Ты стыдишься этого, не правда ли? Так что ты — большая дрянь, Магнуссон. Вовсе не потому, что ты вышел из низов, но по той простой причине, что ты скрываешь свое происхождение. Какая дешевка, Магнуссон, дешевле просто не бывает. Но наказание за это неминуемо, потому что когда настанут тяжелые дни — а они настанут, в этом не сомневайся, — так вот, когда настанут тяжелые дни, тебя сдует ветром, потому что тогда ты обратишься в совершеннейшее ничто. *(Идет к двери, поворачивается и направляет на директора Магнуссона пистолет.)*

Да, Чарльз Магнуссон, это истинная правда! Абсолютно реально! Это Смерть смотрит на тебя из этой маленькой машинки, которая рассчитана на два выстрела, один для тебя и один для меня. Это тебе не какая-нибудь мелодрама из продукции Хассельблада или блистательная халтура “Шведского кино”, а хорошо продуманная сцена из жестокой жизни, лирическая и достопамятная сцена, Чарльз Магнуссон. Вы отняли у меня мою жизнь, а сейчас я отниму у вас вашу. Я обещаю не оставить пятен ни на этом дорогом ковре, ни на превосходной картине Боннара, возможно, только немного мозговой кашицы на обоях позади вас и несколько капель той же субстанции на книжной полке. Все произойдет быстро и безболезненно, я обещаю. В армии у меня была золотая медаль по стрельбе из пистолета. Ну, вот и все, директор Магнуссон. Руки можете не поднимать, вам это не поможет, постарайтесь лучше вести себя спокойно и достойно — все-таки вы делали великие вещи. И за это вы можете быть благодарны. Вы также должны быть благодарны за то, что я завершаю вашу жизнь на самом ее пике. Ибо впереди — только падение и жизненная катастрофа.

Прощай, Чарли, нам вряд ли удастся свидеться в царстве теней или на переправе через Стикс. Вас ведь, наверное, как всегда, повезут туда в первом классе. Не дрожите так страшно, директор Магнуссон, и не пытайтесь спрятаться под стол. Не стану отрицать, что это мгновение доставляет мне большое удовлетворение, хотя ему и суждено стать последним в моей несчастной, неудавшейся жизни. *(Георг аф Клеркер нажимает на курок. Из дула выскакивает сигарета, и вспыхивает огонек. Лейтенант зажигает сигарету и кладет пистолет в карман пиджака. Он начинает смеяться. Смех переходит в рыдание. Он падает на колени и бьется головой об пол.)*

Я прошу тебя, я прошу тебя. Боже мой, Чарли, имей немного милосердия, мы же были друзьями... немного милосердия, я прошу тебя. (Тишина.)

Чарльз Магнуссон (говорит по внутреннему телефону). Будьте любезны, фрекен Хольм, попросите вахтера Линдвала немедленно явиться ко мне.

Георг аф Клеркер. Нет, нет (берет себя в руки), только не такое унижение. Я сам справлюсь. Не беспокойся, Магнуссон. Не беспокойся. Я уйду сам.

Георг аф Клеркер поправляет одежду, приглаживает волосы, сморкается. Становится по стойке смирно. Простояв в таком положении несколько секунд, он затем подетски победно улыбается директору Магнуссону. Магнуссон встает и идет к аф Клеркеру с протянутой рукой. Лейтенант резко отворачивается и выходит за дверь, аккуратно закрывая ее за собой. Магнуссон стоит слегка растерянный, быть может, потрясённый, с протянутой рукой и застывшей улыбкой на бледно-серых губах. Потом он глубоко вздыхает и энергичным шагом направляется к черному полированному письменному столу. Снова поднимает трубку внутреннего телефона.

Чарльз Магнуссон. Алло, фрекен Хольм! Нет, нет, вахтер больше не нужен. Да, понимаю, он уходил обедать. Я по другому поводу, фрекен Хольм. Кто у нас в этом году отвечает за выдачу контрамарок? Ах вот как, дружище Хедберг? Ну, конечно, я просто забыл. Окажите мне любезность и позвоните Хедбергу. Передайте ему привет и попросите аннулировать с первого января бесплатный пропуск в шведские кинотеатры лейтенанта аф Клеркера. В документах Хедберг может написать: "...по непредвиденным обстоятельствам". Этого достаточно. Спасибо, спасибо. Да, я сейчас уйду на обед и вернусь после двух. Всего хорошего, фрекен Хольм.

Директор Магнуссон кладет телефонную трубку и уходит.

*Посвящаю эту пьесу
Инге Адольфссон и Рольфу Линдфорсу —
работникам киноархива при Киноинституте г. Стокгольма*